

Цзян Ехун не питал страсти к досужим сплетням, но за годы службы ловчим усвоил: именно в пересудах порой таятся ключи к самым запутанным делам.

— И что же было дальше? — спросил он.

— А дальше... — Старик вздохнул. — Гу Цзицы провалился на экзаменах и отправился восвояси. У Хуэйюнь, понятно, осталась не солоно хлебавши. Слыхал я, будто парень сгинул где-то по дороге домой. С тех пор о нём ни слуху ни духу.

Цзян Ехун и Жун Жо обменялись быстрыми взглядами. Он почувствовал, как к лицу снова приливает жар — неловкость всё ещё не отпускала.

— Спасибо вам, почтенный. Мы пройдемся, осмотримся ещё.

Когда они отошли, Жун Жо негромко заметил:

— Брат Чу, из слов старца выходит, что У Хуэйюнь была одержима этим Гу Цзицы. А потом он исчезает без вести... Странное совпадение.

— Трудно сказать, — качнул головой Цзян Ехун. — Сперва нужно отыскать У Сяомэн.

Улица Чунмин казалась вымершей. Вскоре вернулись ловчие, отправленные на разведку.

— Есть новости? — спросил Ехун.

Чжао Чэнь, тяжело дыша, доложил:

— Двое прохожих видели, как девушка заходила в Медицинскую лавку семьи Гу, но никто не видел, чтобы она выходила. На этой улице доживают свой век одни старики да калеки, молодёжь здесь — редкость.

— Мы с А-Жо только что оттуда, — нахмурился Ехун. — Там её нет. Обыщите окрестности ещё раз. Лао Чжао, а мы с тобой заглянем в портняжную лавку У.

Лавка У располагалась на улице Юньфу — в самом сердце Лянцзина, где всегда кипела жизнь и ослепляла роскошь. Напротив возвышалась знаменитая Башня Чуньюэ. Служка в одном из нарядных залов на втором этаже, завидев стражу, с любопытством высунулся в окно.

Навстречу им поспешил старый приказчик У Шунь.

— Господин Чу! Есть вести о нашей барышне?

— Пока нет. Хозяйка у себя?

У Шунь сокрушённо вздохнул:

— Госпожа У совсем слегла от тревоги. Ушла отдыхать. Где же нашу девочку носит?..

Жун Жо тем временем неторопливо рассматривал выставленные образцы вышивки.

— Удивительно тонкая работа. Совсем не похоже на то, что обычно шьют в столице.

— Ещё бы! — тут же отозвался У Шунь. — Это сучжоуская вышивка. В нашей лавке не просто шьют одежду, мы принимаем заказы на сложнейшие узоры. Эти ткани — гордость нашего заведения.

Жун Жо тонко улыбнулся:

— Я слышал, госпожа У начинала как обычная портниха. Не знал, что она владеет искусством сучжоуской вышивки.

— Это всё барышня... — замялся У Шунь. — Её рук дело.

Жун Жо коснулся кончиками пальцев изысканного шелка.

— Значит, молодая госпожа превзошла свою наставницу. Истинный талант.

Приказчик выдавил подобие улыбки, выглядело это крайне натянуто. Жун Жо заглянул в заднюю комнату, отделённую занавеской.

— У вас там другие вышивальщицы?

— Заказов слишком много, — затараторил У Шунь. — Порой барышня не справляется в одиночку, приходится нанимать помощниц.

— А сама хозяйка? Разве она не вышивает?

У Шунь снова изобразил ту же неловкую гримасу:

— У госпожи рука травмирована. Не может она больше иглу держать.

— Вот как? — подхватил Жун Жо. — И давно это с ней?

— Лет семь уж как... — выпалил приказчик и тут же добавил: — Но дела у нас идут в гору, жаловаться не на что.

Явная попытка сменить тему не укрылась от Ехуна. Он не был знатоком тканей, но даже ему было ясно: здесь что-то нечисто.

— Госпожа У обмолвилась, — вставил Ехун, — что перед исчезновением они с дочерью крепко повздорили из-за испорченного дорогого отреза. Было такое?

У Шунь помрачнел.

— Было. Хозяйка, признаться, была сурова в словах, но и барышня... Кто же старые обиды копит?

Ехун заметил, как одна из вышивальщиц в глубине лавки то и дело бросает на них тревожные взгляды.

— Что ж, на этом всё. Если что-то вспомните — немедленно в ямэнь.

— Разумеется, разумеется. Доброго пути, господа, — У Шунь явно вздохнул с облегчением.

Выйдя на улицу, Цзян Ехун подозвал Чжао Чэня.

— Знаешь ту вышивальщицу, что поглядывала на нас из коморки?

— Как не знать, — кивнул тот. — Е Чжэнь её звать.

— Как закончит смену — доставь её в ямэнь. Потихоньку.

— Понял, сделаем.

Жун Жо посмотрел на окна Башни Чуньюэ напротив.

— Брат Чу, заглянем в Башню Чуньюэ? Они прямо напротив портняжной лавки, наверняка кто-нибудь что-то да видел в тот день.

— Верно мыслишь. Пошли.

В Башне Чуньюэ их встретил разбитной молодой зазывала.

— Господин Чу! Всё ещё ищете дочку швеи?

— А ты, я гляжу, в курсе дел, — прищурился Ехун.

— Да кто ж в округе не знает? — хмыкнул парень, оглядываясь. — У Хуэйюнь эта...

— И что с ней? Выкладывай.

Зазывала подошёл ближе и зашептал:

— Только чур, господин Чу, я вам ничего не говорил. Баба она — сущий камень, и сердце у неё из камня.

Цзян Ехун кивнул:

— Не бойся, останется между нами. Рассказывай, что там за дела.

Парня будто прорвало:

— Да лавка эта только на крови и поте бедной девчонки, Сяомэн, и держится! Хозяйка палец о палец не ударит, только жилы из дочки тянет. Сама-то шить умеет посредственно, а семь лет назад приютила эту сиротку, и началось... Сяомэн в вышивке — богиня, вот приёмная мать и превратила её в дойную корову. Заперла в доме, глаз не спускает, корпит девчонка над пальцами день и ночь, пока пальцы в кровь не сотрёт. Жалко её, сил нет.

— Выходит, она её в рабстве держала? — голос Ехуна посуровел.

— Хуже! — закивал служка. — Чуть что не так — иглы в плечи втыкает, голодом морит. В тот день, когда Сяомэн сбежала, я сам слышал, как она на всю улицу кричала. Называла хозяйку кровопийцей, ножницами отбивалась, чтобы вырваться. Раньше-то она всегда возвращалась, деться-то ей некуда, а в этот раз, видать, край пришёл.

Цзян Ехун с грохотом опустил кулак на стол.

— Какая низость! Распиналась, как за дочь переживает, а сама за кошелёк дрожит. Идём, навестим эту «заботливую» мамашу.

Он стремительно вышел из таверны, но через пару шагов замер и, слегка покраснев, пробормотал:

— А где её дом-то?

Жун Жо едва сдержал улыбку.

— В переулке сразу за улицей Юньфу. Там недалеко, но тропы довольно запутанные.

— Вот и... веди. Терпеть не могу эти кривые аллеи, голова от них кругом.

— Как скажешь, — Жун Жо пошёл вперёд.

Сгущались сумерки. Они свернули в лабиринт переулков и вскоре остановились перед массивными воротами. Ехун тяжело забарабанил в дерево.

— Кто там? — выглянул слуга.

Ехун предъявил жетон.

— Хозяйка У дома?

Слуга по имени Чао Шэн поклонился:

— Как вернулась, выпила лекарство да почивать легла. До сих пор не вставала.

— С самого прихода спит? — нахмурился Ехун.

— Так точно. Госпожа не велит её беспокоить, когда отдыхает, мы и не суёмся.

— Ступай и разбуди её. Скажи, дело срочное.

Чао Шэн отложил охапку хвороста:

— Хорошо, господин. Обождите здесь.

Слуга побежал к жилой пристройке. Его крики разнеслись по всему двору:

— Госпожа! Проснитесь! Из Люшаньмэнь пришли, господин Чу требует вас!

Ехун, почуяв неладное, вошёл во двор.

— Всё ещё не добудишься?

— Не откликается, — растерянно пробормотал Чао Шэн. — Никогда такого не было...

Не успел он договорить, как в окне на втором этаже вспыхнул свет. Послышался нежный, тягучий голос:

«В весенний разлив прибывает вода, ложится на море луна...»

Мелодия плыла над двором, заставляя кровь стыть в жилах. На бумаге окна заплясала женская тень — изящная, гибкая. И тут же рядом возникла вторая фигура. Она медленно поднялась вверх, словно её тянули за невидимые нити. Две ноги в расшитых туфлях безжизненно повисли над полом.

Чао Шэн охнул и повалился на колени, не в силах вымолвить ни слова.

Песня оборвалась. Свет в комнате мгновенно погас.

Цзян Ехун, не раздумывая, взлетел на крышу галереи и рванул на себя оконную раму. Раздался глухой хлопок — ослепительная вспышка пламени ударила ему прямо в лицо.

— Брат Чу! — вскрикнул Жун Жо, видя, как Ехун падает вниз, сбивая пламя с горячей одежды.

Ехун приземлился на ноги, лихорадочно похлопывая ладонями по груди. Левая щека покраснела от ожога. Он вскинул голову: сквозь распахнутое окно было видно тело, мерно раскачивающееся на балке. Эту одежду он видел сегодня днём.

У Хуэйюнь.

Дом мгновенно наполнился криками. Выскочила перепуганная повариха. Пламя на втором этаже быстро перекинулось на стропила.

— Что застыли?! Воды, живо! — рявкнул Ехун.

Слуга, преодолев оцепенение, бросился за вёдрами. Ехун снова прыгнул в окно. Огонь уже лизал стены, но пол оставался чистым. Он ворвался в комнату и распахнул дверь изнутри. Жун Жо уже был на лестнице с полным ведром. Вдвоём со слугой им удалось быстро сбить огонь.

Комнату затянуло едким дымом. Ехун и Жун Жо осторожно сняли тело с петли. Жун Жо присмотрелся к лицу покойной — изо рта У Хуэйюнь сочилась кровь. Он осторожно разжал её челюсти и вздрогнул.

— Язык вырезан... Какая лютая злоба.

Цзян Ехун коснулся шеи трупа.

— Тело ещё тёплое. Совсем недавно убили. А-Жо, взгляни: огонь шёл только по стенам и потолку. Пол не тронут.

Жун Жо подошёл к подоконнику.

— Пахнет селитрой. На раме был закреплён пороховой заряд — видимо, ловушка. Когда ты открыл окно, сработал запал. Порция была небольшая, иначе раму бы просто вынесло.

— Верно, — кивнул Ехун. — Но кто тогда пел? Когда я вошёл, дверь была заперта на засов изнутри. Окно — единственное. Куда делся певчий? Не сквозь землю же провалился.

Жун Жо промолчал, задумчиво оглядывая мрачную комнату.

Вскоре во двор ввалился Чжао Чэнь с отрядом ловчих. Увидев изуродованную У Хуэйюнь, он в ужасе закрыл лицо рукой.

— Боги... За что её так?

— Очевидно, было за что, — отрезал Цзян Ехун. — Одно ясно: она была мертва ещё до того, как мы переступили порог дома. Лао Чжао, тащи сюда этого слугу, Чао Шэна. Живо!

<http://bllate.org/book/17428/1662048>